

ЧЕХОВСКИЙ КОД В РАССКАЗЕ ВЯЧ. ПЬЕЦУХА «КРЫЖОВНИК»

Современная русская литература – явление многогранное и неоднозначное. Постичь ее, оценить – это задача не одного десятилетия, однако приступать к ее постижению необходимо как можно раньше, сразу же после того как произведение было написано, поскольку только современные исследователи смогут наиболее точно уловить дыхание эпохи и прочувствовать на самих себе значимость художественного произведения.

Хотя с последней мыслью можно и поспорить, в силу того что современные писатели зачастую никак не хотят влиять на читателей, что-то им доказывать или чему-то учить, ибо наступила эпоха постмодернизма, время, когда мы вслед за Сергеем Аверинцевым можем повторить: «Мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны» [1, с. 155]. Однако в русском человеке желание наставлять, искать истину и добиваться справедливости неистребимо. Пусть он этого и не желает. Воспитанный на традициях русской классической литературы (пусть и в советской школе), современный писатель зачастую исподволь, а иногда и намеренно, демонстрирует нам идеал, даже идя от противного: может, он не и говорит, что надо делать, чтобы стать счастливым, а всего лишь рассказывает, как быть несчастным. Иронизируя над настоящим и прошлым, черпая в последнем источник вдохновения, писатель создает образ нашего времени и образ современного человека.

Подобные образы созданы и в рассказе Вяч. Пьецуха «Крыжовник». Написанное в начале XXI века, это произведение отсылает нас как минимум к двум историческим эпохам – концу XIX века (рассказу А. П. Чехова «Крыжовник» 1898 г.) и концу XX века (последним годам существования СССР, когда разворачивается действие рассказа Вяч. Пьецуха). Здесь можно говорить о своеобразной креативной рецепции, которая «представляет собой не виртуальный процесс актуализации смысла, а вполне реальное литературное творчество, акт которого закреплен в создании нового произведения» [2, с. 3]. Однако автор не спорит с Антоном Павловичем, скорее, Пьецух спорит с критиками, которые на протяжении целого столетия утверждали, что Чехов создал образ бездуховной, пошлой действительности, бесцельной и

бессмысленной, и маленького человека, которому уютно в подобном мире и который больше ни о чем мечтать не может и не хочет.

Заимствуя у Чехова название рассказа и отчасти финал, Пьецух демонстрирует, что наличие предощущения высшего предназначения («с молодых ногтей Саша Петушков чуял в себе какое-то смутное призвание, похожее на беспричинное беспокойство, которое в счастливые часы нашептывало ему, что в будущем он точно выбьется из ряда обыкновенного и достигнет больших высот» [3, с. 111]) современного человека и общество не могут осчастливить. Скорее, напротив, осчастливить современного человека может такое небанальное на сегодняшний день занятие, как выращивание крыжовника: «В своем саду он копался с утра до сумерек, и только когда солнце окончательно канет за горизонтом, обдав напоследок запад как бы золотом на крошечки, <...> Саша Петушков садился, подперев голову, на крылечко и задумывался о своем. Он вспоминал приключения молодости, как он скитался, любил, стремился, работал, страдал, и никак не мог решить одного недоразумения: а зачем...» [3, с. 123].

Вяч. Пьецух не случайно обратился к рассказу А. Чехова. С одной стороны, именно с творчеством Чехова более-менее знаком современный читатель по школьной программе, с другой стороны, современный автор чувствовал связь двух этих переходных эпох, предвосхищающих события, перевернувшие ход истории. Однако ни Чехов, ни Пьецух не стремились просто изобразить эпоху, главное — это человек, который ее творил (или которого она творила).

Прямых оценок эпохи у Чехова в рассказе «Крыжовник» немного, а если они и есть, то носят весьма обобщенный характер. Например, «сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потраву, а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат "ура", и пьяные кланяются ему в ноги» [4, с. 267]. Явных оценок своей эпохе Пьецух также не дает, но сама эпоха с характерными приметами времени возникает чаще: «покинув обкомовскую гостиницу, он отправился прогуляться по городу (*Магадан*), который в нашей национальной традиции овеян легендами о бешеных деньгах, критической плотности уголовного элемента на квадратный километр площади, диких загулах золотодобытчиков, японской контрабанде и гибельных лагерях» [3, с. 112]; «он вернулся в Москву и не узнал родного города, точно его нечувствительным способом подменили или как будто его исподволь кто-то завоевал. Улицы были замусорены на манер пригородных пустырей, дома пооблупились, крыши проржавели и обнаружили седловидность, на

каждом углу торговали бедняцким скарбом, народ заметно пообносился и смотрел дико, как сторожевые львы на воротах Английского клуба...» [3, с. 118].

Кроме того, в этом рассказе множество дат, которые позволяют воспринимать происходящее как достоверное. Использование подобного приема напоминает летописную традицию погодных записей, в которых фиксировались самые значимые исторические события. Так даты появляются в рассказе Пьецуха только в переломные моменты жизни главного героя – Саши Петушкова: «в мае 1987 года Сашу Петушкова включили в состав комиссии, которую посылали ревизовать областную комсомольскую организацию в Магадан» [3, с. 112]; «летом девяностого года Саша Петушков нечаянно столкнулся на автобусной станции со своим бывшим товарищем по работе в Свердловском райкоме комсомола, который теперь возглавлял всю партийную организацию на строительстве Колымского гидроузла в Синегорье» [3, с. 116] и др.

Подобных отсылок у Чехова мы не найдем, хотя отрезок жизни его героя, изображенный в рассказе, гораздо более пространен. Может быть, это обусловлено тем, что время в конце XX века заметно ускорило свой бег: то, к чему в XIX веке герой шел десятилетиями, через сто лет наш современник проходит за несколько лет. При этом география путешествий и дел Саши Петушкова настолько широка и разнообразна, что ее хватило бы на десяток таких героев: «в мае 1987 года Сашу Петушкова включили в состав комиссии, которую посылали ревизовать областную комсомольскую организацию в Магадан» [3, с. 111]; «Саша Петушков совершенно сбивался и даже по случаю обзавелся чужой справкой об освобождении, вышел в общепризнанные вожак своей крошечной соции, переболел острым воспалением легких и еле остался жив» [3, с. 115]; «мало-помалу стал проникаться языческим мироощущением, чему в значительной мере способствовала его природная вероспособность и развеселый характер новой религии» [3, с. 117]; «наконец, Саша Петушков набрел на блестящую мысль - он решил создать Банк русской яйцеклетки и широко экспортировать эту нежную субстанцию за рубеж» [3, с. 119]; «он решил основать движение социал-монархической молодежи, опираясь на модель комсомольской организации, принцип офицерского собрания...» [3, с. 121]; «с тех пор Саша Петушков ничем больше не занимался, кроме разведения крыжовника» [3, с. 123].

В отличие от чеховского героя, путь к цели Саши Петушкова слишком запутан, поскольку он изначально не понимал, в чем смысл и цель его жизни, отсюда и крайности, в которые он бросался: от работы в

райкоме он падал на самое дно жизни, от странного босяцкого язычества он взлетал до руководителя политической партии. Это и есть самые настоящие крайности, на фоне которых выращивание такого банального, с точки зрения русской культурной традиции, крыжовника, пусть и с уклоном в коммерциализацию, кажется просто спасением от сумасшедших дел и событий, которые герой пережил.

Чеховский Николай Чимша-Гималайский знал, к чему стремился: его будущее было его прошлым, поскольку он был счастлив только в детстве, живя в деревне. Его целью и было обретение этого утраченного рая. Путь героя тоже был тяжел и тернист, но все-таки ему было проще, несмотря на то, что «жил он скупо: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и все копил и клал в банк. Страшно жадничал...» [4, с. 268].

Женщины в жизни героев тоже сыграли свою роль. Чимша-Гималайский, «чтобы купить себе усадьбу с крыжовником, женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у нее водились деньжонки» [4, с. 268]. То есть женщина стала одним из средств достижения цели, *цели, которая оправдывала средства.*

Герой Пьецуха, Саша Петушков, оказался натурой более влюбчивой. В его жизни было множество романов, но все они были сопряжены с определением собственной миссии. Женщины для него были не средством достижения цели, а стимулом к новым исканиям: в период своего «бичевания» он пережил тяжелый роман с Ниной Соколовой и уже до того допил, что в доказательство любви выколол себе глаз китайским карандашом»; обращению в язычники Саши Соколова «в значительной мере способствовала ... любовь к юной общиннице Вере Курепиной, которая захватила его всего» [3, с. 116]; когда он зарегистрировал свое политическое движение, то «снял помещение под штаб-квартиру на Никольской улице, во дворах, нанял штат, в частности, личную секретаршу Светлану Кротких, с которой у него потом был роман» [3, с. 121].

Таким образом, Вячеслав Пьецух по-новому интерпретирует ситуацию, которая в чем-то напоминает чеховскую, и это еще раз доказывает, что «русская классика продолжает оставаться основой, базисом, резервуаром, откуда современная культура черпает образы, сюжеты, мотивы» [5, с. 28]. Однако если один из героев Чехова утверждает, что «уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе - это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига» [4, с. 273], то герой Вяч. Пьецуха, который на историческом и собственном опыте убедился в

тщетности поисков всеобщего счастья, полагает: «история показывает, что раз наш народ в который раз допустил до власти оторванный элемент, то ему воли давать нельзя. Да и не нужна ему эта самая воля - вот в чем огромное преимущество русского человека перед европейцем, - ему только нужно, чтобы его не трогали, вот и все!» [3, с. 123].

Литература

1. Руднев, В. П. Словарь культуры двадцатого века: Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М.: «Аграф», 2001. – 608 с.
2. Михина, Е. В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начала XXI веков / Е. В. Михина. // Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10. 01. 02. / Челябинский. гос. педагогич.ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
3. Пьецух, В. Крыжовник / Пьецух В. // Знамя, 2002. N8.-С.111-123.
4. Чехов, А. П. Крыжовник / А. П. Чехов. Избранные сочинения в 2 т. – Т. 2, М.: Худож. лит., 1979. – С. 266 – 274.
5. Катаев, В. Б. Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма / В. Б. Катаев. – М.: Изд. МГУ, 2002. – С. 28.